

УДК 86.38

ВОЗНИКНОВЕНИЕ АЗАНА В СВЕТЕ МУСУЛЬМАНСКОГО ПРЕДАНИЯ¹

Спивак И. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: lspivaq@rambler.ru*

Анализируется мусульманское предание, связанное с возникновением азана. На базе сообщений Ибн Хишама, ал-Бухари и других источников автором выявляются особенности формирования традиции об азане. Обилие фантастических деталей в рассказе Ибн Хишама позволяет высказать предположение о его вторичном по отношению к другим источникам характере. Анализ религиозной практики доисламского населения Аравии свидетельствует, по мнению автора, об отсутствии в ней прототипов ежедневной регламентации ритуальных действий в форме устного призыва. Упоминание «рога иудеев» в мусульманской традиции об азане также не дает оснований для предположений о прямых влияниях и заимствованиях. Единственной традицией, где во времена пророка Мухаммада существовал призыв к молитве в форме ударов в било (колокол), являлось христианство. На примере сообщения Ибн Биби о мусульманском завоевании г. Судак и проникновении ислама на Крымский полуостров автор показывает устойчивую оппозицию (азан – колокол), сформировавшуюся в мусульманской традиции. В целом, по мнению автора, предание о возникновении азана следует рассматривать как повествование о возникновении отличительного знака ислама по отношению к другим конфессиональным общинам, рассказ об одном из этапов формирования религиозной идентичности мусульман.

Ключевые слова: азан, Ибн Хишам, иудеи, колокол, муаззин, Мухаммад, предание, ритуальная практика, г. Судак, христианство, шофар.

История формирования и особенности мусульманского священного предания всегда оставались в ряду актуальных проблем исламоведения. Очевидно, что вопросы, связанные с мусульманским преданием, в силу специфики источниковой базы, особенно важны для исследователей, изучающих ранние периоды истории ислама – время деятельности пророка Мухаммада и формирования исламской религиозной системы. Наглядным свидетельством повышенного интереса к обозначенной проблематике у отечественных востоковедов является выпущенный Институтом востоковедения РАН совместно с научно-издательским центром «Ладомир» в 2009 г. фундаментальный том мусульманской священной истории, посвященный жизни пророка Мухаммада [1]. Ранее мы уже касались ряда частных вопросов, связанных с особенностями изображения конфессиональных групп иудеев и христиан Аравии первой половины VII в. в тексте «Жизнеописания пророка Мухаммада» Ибн Хишама [2, с. 84–92]. Целью настоящего обращения к материалам мусульманского священного предания является рассмотрение вопроса о закономерностях отражения в нем некоторых особенностей ритуальной практики ислама. В отечественной историографии уже затрагивались проблемы, связанные с ритуальными установлениями раннего ислама, такими, например, как запрет на употребление вина и запрет на вкушение свинины [3, с. 36–43]. Предметом нашего интереса является круг вопросов, касающихся формирования дневного ритуального цикла в исламе, имеющего со

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта №15-31-10112 «Проблемы интеграции Крыма в состав России 1783–1825 гг.»

времени совершения Мухаммадом хиджры в качестве внешнего признака словесный призыв к молитве. О серьезности восприятия этого регламентирующего признака авторами мусульманского предания говорит, например, история резни, устроенной Халидом б. ал-Валидом в племени бану джазима, когда в качестве оправдания своим действиям он сослался на то, что «выжидал полдня, не нападая, пока не убедился, что джазимиты не возглашают призыва на молитву, и лишь после этого атаковал их» [4, с. 163].

История происхождения азана, как она представлена в тексте «Жизнеописания посланника Аллаха» Ибн Исхака – Ибн Хишама, выглядит следующим образом. «К Пророку, когда он приехал в Медину, приходили люди, чтобы молиться в назначенное время без специального призыва. Пророк тогда задумал сделать рог, подобно рогу иудеев, при помощи которого призывали к молитве. Потом отказался от этого. Затем велел сделать гонг. Был сделан гонг, при помощи которого он собирался призывать мусульман к молитве» [5, с. 170]. Следом помещен рассказ о чудесном видении, явившемся во сне Абдаллаху б. Зайду б. Саалаба б. Абд Раббихи, результатом которого стало появление устного призыва на молитву. «Приходил человек, одетый в два плаща зеленого цвета, а в руке он нес гонг. Я спросил его: «О раб Аллаха! не продашь ли ты этот гонг?». Он спросил: «А что ты с ним будешь делать?». Я ответил: «Будем при его помощи призывать к молитве». Он тогда сказал: «Хочешь, укажу тебе на нечто лучшее, чем это?». Я спросил: «А что же?». Он сказал: «Ты говори: «Аллах велик! Аллах велик! Аллах велик! Аллах велик! Свидетельствую, что нет божества кроме Аллаха! Свидетельствую, что Мухаммад – посланник Аллаха! Спешите к молитве! Спешите к молитве! Спешите к блаженству! Спешите к блаженству! Аллах велик! Аллах велик! Нет божества, кроме Аллаха» [5, с. 170]. Функцию дополнительного аргумента в пользу того, что избранная форма призыва к молитве – результат божественной воли, выполняет приведенная здесь же история, в соответствии с которой, Омар б. аль-Хаттаб увидел тот же самый сон накануне покупки двух деревьев для изготовления гонга. Известно, что одинаковые по содержанию сны, приснившиеся разным людям, во многих религиозных традициях рассматриваются как данное во сне откровение. Вероятно, для усиления этого эффекта предание было «обогащено» дополнительными деталями. «В версии Ж 706 (Ибн-Маджа. И. С.) сообщается также о стихах, которые Абдаллах сложил по этому поводу. Из них следует, что незнакомец являлся ему три ночи кряду. Повествуют и о похожем видении, посетившем Абу-Бакра (аль-Касталлани/І:323). Варианты: подобного видения были удостоены семь ансаритов; свыше десятка человек; четырнадцать человек» [1, с. 336]. Следует предположить, что эту же функцию в тексте Ибн Хишама выполняет приведенное свидетельство Убайда б. Умайра аль-Лайси о том, что когда Абдаллах пришел к Мухаммаду рассказать о своем сне, «к Пророку уже пришло откровение об этом» [5, с. 170].

Среди фантастических деталей в версии, переданной Ибн Хишамом, обращает на себя внимание загадочная фигура «советчика» Абдаллаха б. Зайда – «человека, одетого в два плаща зеленого цвета». Указание на цвет его одежд позволяет, как кажется, провести отождествление между ним и «одним из четырех «бессмертных» мусульманской мифологии» – ал-Хадиром (Хизром), который надежно ассоцииру-

ется в мусульманском предании с зеленым цветом и олицетворяет возрождающуюся растительную жизнь [6, с. 262]. Он упомянут как «раб из рабов Аллаха» и спутник пророка Мусы в суре «Пещера» (XVIII, 60–82) [7]. «Мудрый спутник пророка остался в Коране безымянным. Предание же затем дало ему имя ал-Хадир» [8, с. 112]. Анализ коранического отрывка позволяет утверждать, что в нем соединены легенды из двух более ранних источников – одна из версий Романа об Александре, в передаче Иакова Саругского (V–VI вв.) и притча о путешествии Иошуа бен Леви с пророком Илией, восходящие, в конечном счете, к эпосу о Гильгамеше [9, с. 238]. Обилие фантастических деталей в рассказе Ибн Хишама, а главное – идеологическая направленность его редакции первоначального текста Абу Абдаллаха Мухаммада б. Исхака [10, с. 9–11] – заставляют высказать предположение о вторичности сообщаемых им сведений относительно возникновения азана.

Несколько иначе – без упоминания о сверхъестественном вмешательстве – эту историю зафиксировали в своих сборниках хадисов ал-Бухари (350) и Муслим (193): «Передают, что Абдуллах ибн Умар, да будет доволен Аллах ими обоими, сказал: «В первое время после переселения мусульман в Медину они заранее собирались друг с другом и дожидались молитвы, примерно определяя время их начала, поскольку никто не призывал их на молитву. Однажды они стали обсуждать этот вопрос и кто-то сказал: «Заведите такой же колокол, как у христиан». Кто-то другой сказал: «Нет, лучше рог наподобие рога иудеев». Что же касается Умара, то он сказал: «А не поручить ли вам кому-нибудь призывать людей на молитву?». «Тогда посланник Аллаха велел: «О Биляль, встань и призови людей на молитву» [11; 12].

Как видно, в вопросе о выборе формы азана оба рассказа донесли до нас колебания членов мусульманской общины между двумя позициями, которые можно условно обозначить как «положительную» и «отрицательную», по отношению к христианам и иудеям. Выбор последней был не случаен. Не желая подражать и тем самым уступать первенство в религиозных вопросах христианам и иудеям, Мухаммад, согласно распространенной точке зрения, обратился к той практике, которая существовала еще в доисламской Аравии [13, с. 14]. Относительно надежные свидетельства о ее распространенности восходят ко времени так называемых «лжепророков», то есть спустя примерно десять лет после того, как она была принята Мухаммадом. Хорошо известно, что устный призыв к молитве для своих приверженцев практиковал «лжепророк» мусульманской традиции Мусайлима [4, с. 184; 14, с. 571]. Своему аззину призывал на молитву сторонников «лжепророчицы» Саджах [15, с. 202; 16, р. 738–739]. Относительно сходства религиозных практик Мухаммеда и его оппонентов высказывались различные точки зрения. Его объясняли как подражанием Мухаммаду со стороны «лжепророков», даже откровенным «скоморошничеством» [17, с. 50; 18, с. 255], так и «общей базой представлений и верований, на почве которых рождался арабийский монотеизм» [4, с. 183]. В этой связи следует отметить, что источники мусульманской традиции не зафиксировали ничего подобного азану в религиозной практике арабов эпохи джахилии. Хишам б. Мухаммад ал-Калби приводит следующие формы религиозного почитания в доисламской Аравии: установка и обход идолов, кровавые жертвоприношения, посвящение идолам части урожая, ритуальные возлияния, кормление идолов, многочисленные и разнообраз-

ные «дары», приносимые в наиболее почитаемые святилища, обривание волос перед идолами, посвящение языческим божествам животных, многочисленные индивидуальные стихотворные обращения к божествам [19]. Не упоминается ничего подобного принятому в исламе дневному циклу обязательных молитв, с их четкой временной регламентацией – призывом к молитве. Возможно, некий намек на существование в языческой Аравии практики, сходной с исламским азаном, можно усмотреть в сообщении аш-Шахрастани о религии ханифов. «Среди арабов были такие, кто верил в Аллаха и последний день и ожидал пророчества... И среди тех, кто познал явный (божественный) Свет и чистое происхождение, признал ханифскую религию и ожидал пророческого предводителя, – Зайд б. Амр б. Нуфайл, который, опираясь спиной на ал-К абу, говорил: «О люди! Идите сюда, ко мне, ибо не осталось из придерживающихся религии Ибрахима никого, кроме меня» [20, с. 37]. Однако этот устный религиозный призыв не выполнял главной функции азана – временной регламентации религиозных действий. Следы такой регламентации у доисламских арабов можно обнаружить только в годовом, а не дневном, как в исламе, ритуальном цикле. Так, хорошо известна доисламская практика выделения запретных месяцев и периодичность обрядов хаджа. В тесной связи с регламентацией религиозной деятельности находилось обыкновение устного объявления о календарных вставках, получивших последующее осуждение в кораническом тексте (IX, 37) [7]. Рассказывая о лунно-солнечном счете времени у доисламских арабов аль-Бируни сообщает: «...на “каламмасов” из племени Бену Кинана была возложена обязанность по завершении паломничества читать на ярмарке проповедь и производить вставку месяцев, называя следующий вставной месяц именем текущего месяца» [21, с. 79]. Таким образом, мы не находим надежных свидетельств о существовании у доисламских арабов практики ежедневной регламентации религиозных действий, внешним выражением которой являлся бы голосовой призыв.

Вопрос о происхождении азана становится еще более интересным, если учесть тот факт, что вопреки утверждениям мусульманской традиции, трубление в шофар в иудейской ритуальной практике не выполняет функции ежедневного призыва к молитве. Как известно, предписание трубить в шофар связано с годовой календарной обрядностью. Трубными звуками, прежде всего, отмечены праздник Рош а-Шана и последний (предновогодний) месяц календаря элул, когда осуществляется ежедневное, кроме Шаббата, трубление в шофар, завершение Йом Киппура [22, с. 250–251, 258]. В талмудическую эпоху был распространен обычай трубить в шофар накануне Шаббата. «Учили наши наставники: шесть раз трубят в рог накануне субботы, в первый раз – для того, чтобы народ прекратил свою работу в поле, во второй – для горожан и торговцев, в третий – чтобы зажгли светильник (в честь субботы) – таково поучение рабби Натана; рабби Йегуда га-Наси говорил: в третий – чтобы сняли тфилин, и задерживаются для того, чтобы поджарить маленькую рыбку или положить на (горячую) печь лепешку хлеба, и трубят непрерывно (ткиа), и начинают праздновать субботу. Сказал раббан Шимон бен Гамлиэль: “Что нам делать с вавилонянами, которые сначала трубят непрерывно (ткиа), а потом прерывисто (труа) и сразу после этого начинают праздновать субботу?”» (Шаббат 35б) [23, с. 84–85]. Таким образом, в иудейской традиции, с которой Мухаммад мог столкнуться

вплотную после совершения хиджры, отсутствует каждодневное трубление в шофар. В крайнем случае, речь может идти только об употреблении шофара в качестве инструмента еженедельной регламентации обрядовых действий, связанных с наступлением субботы.

В этой связи следует отметить, что совершая хиджру, Мухаммад достиг Мединского оазиса (Куба) 12 раби I/24 сентября [4, с. 88], что должно соответствовать месяцу тишрей (сентябрь – октябрь) иудейского лунно-солнечного календаря, во время которого «шофар звучит не раз» [24, с. 88]. Важно помнить, что семантически трубление в шофар связано не с временной регламентацией обрядовых действий, а с верой в апотропейные функции трубного звука: «... в архаических обществах апотропейную функцию часто выполнял шум: в еврейской традиции, в частности, звуки шофара. В Талмуде прямо говорится, что в шофар трубят, чтобы нагнать страх на Сатана (Rosh ha-Shan. 16 A-B» [25, с. 295]. В этой связи небезынтересно обратиться к следующему хадису, переданному аль-Бухари(352): «передают со слов Абу Хурайры, да будет доволен им Аллах, что посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: “когда произносится призыв к молитве, шайтан отступает, с шумом испуская ветры, чтобы не слышать этого призыва, а когда призыв завершается он снова подступает. И он отступает во время икамы, а когда объявление о начале молитвы завершается, он подступает, чтобы встать между человеком и сердцем его и внушать ему: «Вспомни о том-то и том-то», о чем тот и не помышлял (до молитвы, и он делает это) для того, чтобы человек оставался (в подобном) положении, не ведая, сколько (ракатов) молитвы он совершил”» [11].

Вряд ли в данном случае у нас есть основания говорить о заимствованиях, ибо вера в апотропейную функцию ритуальных действий присуща самым разнообразным религиозным традициям, важнее другое – отождествление в рамках мусульманской традиции иудейской общины со звуком шофара.

Обычай ударять в било для призвания верующих в храм распространился в христианской церкви после эпохи гонений. «В эпоху Константина Великого верных сзывали в храм ударами молотка в било (деревянная доска) и клепало (железная полоса)... Легенда связывает начало употребления колоколов в христианской церкви с епископом Нолы (где впоследствии был центр производства небольших колоколов), св. Павлином (вторая пол. IV– первая пол. V вв. – *И. С.*), которому эту идею внушил будто бы вид полевого колокольчика» [26, с. 787]. Во времена пророка Мухаммада в христианских церквях Востока верующих созывали на молитву ударами друг о друга двух деревянных досок, за которыми в арабо-мусульманской традиции закрепилось название накус, позже перенесенное и на колокола [1, с. 334]. Таким образом, по нашему мнению, ближайšie аналогии мусульманскому азану следует искать именно в христианской практике призыва верующих на молитву. О том, что в мусульманской традиции прочно установилась оппозиция азан – колокола, свидетельствуют и значительно более поздние по отношению к VII в. тексты. В качестве примера приведем свидетельство хронологически, территориально и этнически никак не связанное с Аравией времен пророка Мухаммада. Ибн Биби (ум. 1272 г.), рассказывая о завоевании войсками правителя Румского султаната Ала ад-Дина Кей-Кубада города Судака, сообщает: «...султан разрешил простить жителей Судака в

их преступлениях и винах, однако с условием, чтобы вместо икон и колоколов там были михраб, минбар и шариат, установленный пророком, да будет над ним благословение и мир!... Войска приняли парадный вид. Был приготовлен богато отделанный минбар, глава амиров возложил на голову священный Коран, положенный на золотое блюдо, в руку взял султанский штандарт. Так с торжественностью вошли в город. На высоком месте города муэzzин произнес призыв к молитве; разбили христианский колокол (выделено мною. – *И. С.*) и меньше чем в две недели выстроили прекрасную соборную мечеть» [27, с. 58].

Сказанное не может не вызвать вопрос: какую функциональную нагрузку в контексте рассказа о возникновении азана выполняет упоминание о иудеях и шофаре? Для ответа на этот вопрос еще раз обратим внимание на тот факт, что для авторов мусульманского предания не столь важно подлинное назначение трубных звуков в ритуальной практике иудаизма. Гораздо важнее то, что звук шофара являлся отличительной чертой, символом иудейской общины. Таким образом, рассказ о возникновении азана – это не только повествование о решении мусульманской общиной проблемы временной регламентации дневного ритуального цикла. По нашему мнению, это, прежде всего, рассказ о возникновении отличительного знака ислама по отношению к другим конфессиональным общинам, рассказ об одном из этапов формирования религиозной идентичности мусульман. Под этим углом зрения становятся явными некоторые особенности, присущие как мусульманскому преданию в целом, так и той его части, которая касается истории азана. Например, очевидно, что авторы предания преследуют апологетическую цель, которая состоит в доказательстве превосходства ислама. Достижению этой цели (наиболее явно – в тексте Ибн Хишама) подчинено и противопоставление азана колоколам и шофару, и упоминание о чудесных сновидениях с участием ал-Хадира, и слова самого ал-Хадира о том, что азан лучше рога иудеев и била христиан.

Список использованных источников и литературы

1. Ефремова Н. В., Ибрагим Т. К. Жизнь пророка Мухаммада / Н. В. Ефремова, Т. К. Ибрагим. – М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 2009. – 1062 с.
Efremova N. V., Ibragim T. K. Zhizn proroka muxammada / N. V. Efremova, T. K. Ibragim. – М.: Nauchno-izdatelskij centr «ladomir», 2009. – 1062 s.
2. Спивак И. А. Христиане Аравии в изображении Ибн Хишама / И. А. Спивак // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. (Исторические науки). – Симферополь, 2014. – Т. 27 (66). – № 4. – С. 84–92.
Spivak I. A. Xristiane Aravii v izobrazhenii Ibn Xishama / I. A. Spivak // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacionalnogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. (Istoricheskie nauki). – Simferopol, 2014. – Т. 27 (66). – № 4. – С. 84–92.
3. Шифман И. Ш. О некоторых установлениях раннего ислама / И. Ш. Шифман // Ислам. Религия, общество, государство. – М.: Наука, 1984. – С. 36–43.
Shifman I. Sh. O nekotoryx ustanovleniyax rannego islama / I. Sh. Shifman // Islam. Religiya, obshhestvo, gosudarstvo. – М.: Nauka, 1984. – С. 36–43.
4. Большаков О. Г. История Халифата. – Т. 1: Ислам в Аравии (570–633) / О. Г. Большаков. – М.: Наука, 1989. – 312 с.
Bol'shakov O. G. Istorija Halifata. – Т. 1: islam v Aravii (570–633) / O. G. Bol'shakov. – М.: Nauka, 1989. – 312 s.
5. Ибн Хишам. Жизнеописание Пророка Мухаммада / Хишам Ибн / пер. Н. А. Гайнуллина. – М.: Издательский дом «УММА», 2002. – 485 с.

- Ibn Hisham. Zhizneopisanie Proroka Muhammada / Hisham Ibn / per. N. A. Gajnullina. – М.: Izdatel'skij dom «УММА», 2002. – 485 s.
6. Пиотровский М. Б. ал-Хадир / М. Б. Пиотровский // Ислам: Энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991. – С. 262.
Piotrovskij M. B. al-Xadir / M. B. Piotrovskij // Islam: Enciklopedicheskiy slovar. – М.: Nauka, 1991. – S. 262.
7. Коран / пер. И. Ю. Крачковского. – Баку: Язычы, 1990. – 744 с.
Koran / per. I. Ju. Krachkovskogo. – Baku: Jazychy, 1990. – 744 s.
8. Пиотровский М. Б. Коранические сказания / М. Б. Пиотровский. – М.: Наука, 1991. – 219 с.
Piotrovskij M. B. Koranicheskie skazaniya / M. B. Piotrovskij. – М.: Nauka, 1991. – 219 s.
9. Емельянов В. В. Гильгамеш. Биография легенды / В. В. Емельянов. – М.: Молодая гвардия, 2015. – 358 с.
Emelyanov V. V. Gilgamesh. Biografiya legendy / V. V. Emelyanov. – М.: Molodaya gvardiya, 2015. – 358 s.
10. Пиотровский М. Б. Мухаммад и начало ислама. Введение / М. Б. Пиотровский // Хрестоматия по исламу. – М.: Наука, 1994. – С. 9–11.
Piotrovskij M. B. Muhammad i nachalo islama. Vvedenie / M. B. Piotrovskij // Hrestomatija po islamu. – М.: Nauka, 1994. – S. 9–11.
11. Аль-Бухари М. Сахих. Свод хадисов имама аль-Бухари. Мухтасар полный вариант / М. аль-Бухари / Пер. с арабск. В. А. Нирша. – М.: Умма, 2003. – 960 с.
Al-Buxari M. Saxix. Svod xadisov imama al-Buxari. Muxtasar polnyj variant / M. al-Buxari / Per. s arabsk. V. A. Nirsha. – М.: Umma, 2003. – 960 s.
12. Муслим. Сахих: Краткое изложение, составленное имамом аль-Мунзири / Пер. с арабск. В. А. Нирша. – М.: Умма, 2011. – 1216 с.
Muslim. Saxix: Kratkoe izlozhenie, sostavlennoe imamom al-Munziri / Per. s arabsk. V. A. Nirsha. – М.: Umma, 2011. – 1216 s.
13. Резван Е. А. Азан / Е. А. Резван // Ислам: Энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991. – С. 14.
Rezvan E. A. Azan / E. A. Rezvan // Islam: Enciklopedicheskiy slovar. – М.: Nauka, 1991. – S. 14.
14. Бартольд В. В. Работы по истории ислама и Арабского халифата / В. В. Бартольд. – М.: Вост. лит., 2002. – 784 с.
Bartol'd V. V. Raboty po istorii islama i Arabskogo halifata / V. V. Bartol'd. – М.: Vost. lit., 2002. – 784 s.
15. Пиотровский М. Б. Саджах / М. Б. Пиотровский // Ислам: Энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991. – С. 202.
Piotrovskij M. B. Sadzhah / M. B. Piotrovskij // Islam: Enciklopedicheskiy slovar. – М.: Nauka, 1991. – S. 202.
16. Vacca V. Sadjah / V. Vacca // The Encyclopaedia of Islam. – V. 8. – Leiden: E. J. Brill, 1995. – P. 738–739.
17. Грюнебаум Г. Э. фон. Классический ислам. Очерк истории (600–1258) / Г. Э. фон Грюнебаум. – М.: Наука, 1986. – 216 с.
Grjunebaum G. Je. fon. Klassicheskij islam. Ocherk istorii (600–1258) / G. Je. fon Grjunebaum. – М.: Nauka, 1986. – 216 s.
18. Мюллер А. История Ислама: От доисламской истории арабов до падения династии Аббасидов / А. Мюллер. – М.: ООО «Издательство Астрель», «Издательство АСТ», 2004. – 911 с.
Myuller A. Istoriya Islama: Ot doislamskoj istorii arabov do padeniya dinastii Abbasidov / A. Myuller. – М.: ООО «Izdatelstvo Astrel», «Izdatelstvo AST», 2004. – 911 s.
19. Ал-Калби Хишам б. Мухаммад Книга об идолах / Хишам б. Мухаммад ал-Калби // Пер. с арабск., В. В. Полосина. – М.: Наука, 1984. – 64 с.
Al-Kalbi Xisham b. Muxammad Kniga ob idolax / Xisham b. Muxammad al-Kalbi // Per. s arabsk., V. V. Polosina. – М.: Nauka, 1984. – 64 s.
20. Прозоров С. М. «Верования арабов во времена ал-джахилийи» аш-Шахрастани / С. М. Прозоров / Коментированный пер. с арабск. // Письменные памятники Востока. – 2005. – № 2 (3). – С. 26–46.

Prozorov S. M. «Verovaniya arabov vo vremena al-dzhaxiliji» ash-Shaxrastani / S. M. Prozorov / Kommentirovannyj per. s arabsk. // Pismennye pamyatniki Vostoka. – 2005. – №2 (3). – S. 26–46.

21. Бируни Абу Рейхан Памятники минувших поколений / Абу Рейхан Бируни // Избранные произведения. – Т. 1. – Ташкент: Изд-во АНУзССР, 1957. – 488 с.

Biruni Abu Rejhan Pamyatniki minuvshix pokolenij / Abu Rejhan Biruni // Izbrannye proizvedeniya. – Т. 1. – Tashkent: Izd-vo ANUzSSR, 1957. – 488 s.

22. Носенко Е. Э. Евреи / Е. Э. Носенко // Клендарные обычаи и обряды народов Передней Азии. Годовой цикл. – М.: Наука, 1998. – С. 229–292.

Nosenko E. E. Evrei / E. E. Nosenko // Klendarnye obychai i obryady narodov Perednej Azii. Godovoj cikl. – М.: Nauka, 1998. – S. 229–292.

23. Гафни И. М. Евреи Вавилонии в талмудическую эпоху / И. М. Гафни. – М. – Иерусалим: Издательство «Мосты культуры – Гешарим», 2003. – 396 с.

Gafni I. M. Evrei Vavilonii v talmudicheskuyu epoxu / I. M. Gafni. – М. – Ierusalim: Izdatelstvo «Mosty kultury – Gesharim», 2003. – 396 s.

24. Носенко Е. Э. «...Вот праздники Бога» (историко-генетическое исследование еврейских праздников) / Е. Э. Носенко. – М.: «Восточная литература» РАН, 2001. – 230 с.

Nosenko E. E. «...Vot prazdniki Boga» (istoriko-geneticheskoe issledovanie evrejskix prazdnikov) / E. E. Nosenko. – М.: «Vostochnaya literatura» RAN, 2001. – 230 s.

25. Носенко Е. Э. Культ умерших и почитание предков: их место и роль в еврейской традиции / Е. Э. Носенко // Фольклор и мифология Востока в сравнительно-типологическом освещении. – М.: Наследие, 1999. – С. 278–299.

Nosenko E. E. Kult umersnix i pochitanie predkov: ix mesto i rol v evrejskoj tradicii / E. E. Nosenko // Folklor i mifologiya Vostoka v sravnitelno-tipologicheskom osveshhenii. – М.: Nasledie, 1999. – S. 278–299.

26. Христианство: Энциклопедический словарь. – Т. 1: А–К / Ред. кол.: С. С. Аверинцев. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. – 863 с.

Xristianstvo: Enciklopedicheskij slovar. – Т. 1: А–К / Red. kol.: S. S. Averincev. – М.: Bolshaya Rossijskaya enciklopediya, 1993. – 863 s.

27. Якубовский А. Ю. Рассказ Ибн ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. (Черты из торговой жизни половецких степей) / А. Ю. Якубовский // Византийский Временник. – 1927. – Т. XXV. – С. 53–76.

Yakubovskij A. Yu. Rasskaz Ibn al-Bibi o poxode maloazijskix turok na Sudak, polovcev i russkix v nachale XIII v. (Cherty iz torgovoj zhizni poloveckix stepej) / A. Yu. Yakubovskij // Vizantijskij Vremennik. – 1927. – Т. XXV. – S. 53–76.

Spivak I. A. The emergence of the azan in the light of the Muslim tradition // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Historical Science. – 2015. – Vol. 1, No. 1. – P. 78–85.

The article is devoted to the analysis of Muslim legends associated with the appearance of the adhan. On the basis of the message Ibn Hisham, al-Bukhari and other sources, the author reveals peculiarities of the formation of the tradition about adhan. The abundance of fantastic details in the story of Ibn Hisham allows us to assume its secondary character to other sources. The analysis of the pre-Islamic religious practices of the population of Arabia is evident, in the opinion of the author, about the lack of prototypes of daily regulation of ritual actions in the form of an oral appeal. The record of «the horns of the Jews» in the Muslim tradition about adhan also gives grounds for assumptions about direct influences and borrowings. The only tradition that during the time of Prophet Muhammad there was a call to prayer in the form of beats in beat (the bell) was Christianity. By the example of the message of Ibn Bibi about the Muslim conquest of the city of Sudak and the penetration of Islam on the Crimean Peninsula, the author shows steady opposition (azan – bell) formed in the Muslim tradition. Overall, according to the author, the legend about the origin of the adhan should be seen as a narrative of the emergence of a distinctive sign of Islam towards other religious communities, the story of one of the stages in the formation of religious identity of Muslims.

Keywords: adhan, Ibn Hisham, Jews, bell, muezzin, Muhammad, tradition, ritual practice, Sudak, Christianity, shofar.